

Общая сарта. - 1998. - 19-25 нояб. - с. 16

и ценности моей жизни

Русский человек
200 лет спустя

ГОГОЛЬ:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он может быть явиться чрез двести лет...»

БУЛГАКОВ:

«Никанор Иванович... совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить будет?» или... «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?»

Два русских классика обозначили крайние полюса восприятия национального гения. Между преклонением и невежеством нашлось место всему остальному. И «научному подходу», и тяжелому юбилейному елени, и оскорбительной желтизне «дантесоведения». Сегодня, признав Пушкина едва ли не официально «нашим всем», общество замуровало поэта в свинцовый саркофаг хрестоматийности. И тем всего вернее отгородилось от пушкинских истин, заповедей и пророчеств.

Почему на нашей почве не прививаются реформы? Что за идеология воспитывает российского человека уже почти двести лет? Когда смутное время перестанет быть нормой нашей жизни? На все вопросы можно найти ответы, обратившись к Пушкину.

Братья Гордины, Яков и Михаил, в этом уверены. В пушкинской теме они — высокие профессионалы, хотя пушкинистами в строгом смысле их, пожалуй, назвать нельзя. Впрочем, выбирая их в собеседники, я имела в виду другое — пушкинские мысли, идеи, понимание вещей имеют для них реальный, личный, смысл — в той мере, в какой на это способны лишь российские интеллигенты.

Пушкинистами были их родители. Марианна Васина и Аркадий Гордин первыми после войны приехали на пепелище в Михайловское, вместе с Семеном Гейченко восстанавливать разрушенный музей. Кроме любви к Пушкину, существовали и иные причины: отец не имел права жить в Ленинграде — его старшие братья сидели в лагерях, а глава семьи, бывший купец 2-й гильдии, владелец псковского лесоплава, числился вредителем.

В семейном архиве есть снимок: пятилетний мальчик ведет экскурсию по Михайловскому. Это младший из братьев, Михаил. Снимок прислал некий генерал НКВД, захваченный в конце сороковых в заповедник и от всей генеральской души потративший таким экскурсоводом...

Пушкин барского дома, старые аллеи, чащобы с диким зверьем и птицами — не вымышленные, реальные «декорации» их детства. Один из братьев мечтал о биологии, другой о художественной школе. Но если главное имя, которое вы слышите в семье, — Пушкин, неудивительно, что, став взрослыми, вы возвращаетесь к нему...

Итак — Яков Гордин — редактор журнала «Звезда», писатель, чей предмет — пушкинская эпоха и политическая история России.

Михаил Гордин — писатель и основатель издательства «Пушкинский фонд», выпустившего за 10 лет уникальные книги в сериях «Мир Пушкина», «Белый Петербург».

Пророк, которого не услышали

Марина Токарева: «С корабля современности» Пушкина сбрасывали не раз и не два... Вот и нынче многие твердят о «конце пушкинской эпохи». Может быть, Пушкин и в самом деле устарел?

Михаил Гордин: Это было бы замечательно, если бы Пушкин устарел! Это означало бы, что все идеи, им высказанные, нами поняты и освоены. Но Пушкин по-прежнему остро актуален. Просто мы оказались stále нетерпеливы, что, однажды обогнав время, Пушкин все еще остается далеко впереди.

Яков Гордин: А мы, как и прежде, «ленивы и нелюбопытны». В сущности, мы до сих пор умудрились не прочесть Пушкина так, как следовало бы его прочесть. Умудрились не понять, что он — величайший наш исторический мыслитель, что именно он стоит у истоков политической истории России.

М.Т.: Значит, существует такой

феномен, как «неуслышанный Пушкин»?

Я.Г.: Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть его книги. По дневникам, письмам, черновикам разбросаны заметки, отрывки, планы — все это политические тексты необычайной значимости. Не говоря уже об известных трудах о Пугачеве и Петре. Как политический мыслитель Пушкин не собран и в должной мере не осмыслен.

М.Т.: И не востребован. Уже в момент написания «Истории Пугачева» он прекрасно понимал, что в России может победить крестьянская революция, и объяснял: если не предпринять соответствующих шагов, это произойдет. И произошло. Он ожидал Вандей — и она случилась. Он предсказывал, что будет воспроизведен тот же самый строй, который революция попытается разрушить, — феодализм в худшем его варианте. Так и вышло.

Я.Г.: Только во главе революции стоял уже не безграмотный мужик, а как предсказал Жозеф де Местр, «Пугачев с университетским дипломом». Пушкин не знал писем де Местра. Но у него есть запись в дневнике 1834 года — разговор с великим князем Михаилом Павловичем, которому он прямо сказал, что Россию обязательно ждет революция: «...Олаякой страшной стихии мятежей нет и в Европе».

М.Т.: Но ни современники, ни потомки ничего не захотели понять.

Я.Г.: В этом драма — и парадокс — Пушкина: он, как мыслитель, ни на свое, ни на позднейшее время не оказал влияния. Это и наша драма тоже. Он не был публицистом, он был именно мыслителем, стремился вглубь — не просто «схватить», описать явление, но понять истоки. Еще в «Истории Пугачева» он заключил: надо видеть реальность, считаться с нею.

М.Т.: С чем же следовало считаться?

Я.Г.: Есть у Пушкина замечательное выражение «сила вещей». Оно означает, что лопать живой жизненный процесс нельзя. Это приводит к дурным, а то и трагическим последствиям. Петровский путь с его военно-бюрократическим государством, замкнувшим на себя, Пушкин считал противоестественным...

М.Т.: Но позже, уже в XX веке, эта противоестественность усилилась и укрепилась. Насильственный переворот, ГУЛАГ, громадная военная машина советского государства... Даже перестройка, последнее революционное изменение, была осуществлена «сверху»...

Я.Г.: Вопреки всему, я думаю, что наше время органичнее, чем какое бы то ни было другое. Впервые за всю историю что-то действительно зависит от общества. И все дело в том, как мы распоряжаемся своими возможностями...

М.Т.: И все же — что собой, по Пушкину, являл путь естественный?

Я.Г.: Он полагал, что России

участие образованного сословия в русской жизни, ограничение самодержавия, слои мыслящих, независимых людей у власти, сближение сословий... Россия уже тогда отвернулась от этого пути, образовалась элита иного типа — бюрократическая, своекорыстная...

М.Т.: Кажется, о ней Вяземский писал «мы дышим ничтожеством...» Какой была та называемая «элита» в пушкинские времена?

Я.Г.: С одной стороны — люди, пользующиеся общественным уважением. Их было меньшинство. С другой — обладающие властью и влиянием. В то время появилась новая знать — бюрократия. Те, кто ориентировался не на страну, а на государство, точнее, на себя в государстве. И Пушкин видел этот процесс отрыва государства от страны...

М.Т.: ...Имеющий место и сегодня, в силу той самой противоестественности...

Я.Г.: У Пушкина, как исторического мыслителя, имелось еще одно великое качество — он знал, что существуют ситуации, из которых нет благополучного выхода. Может быть, самый замечательный образец его бесстрашия — отношение к завоеванию Кавказа. Этой теме посвящена лишь одна страница в «Путешествии в Ардур», но там сказано обо всем — и о вынужденности этого завоевания, и о трагедии горцев, и о невозможности взаимопонимания, и о бесконечности вражды...

М.Т.: Ко времени гибели Пушкина — абсолютно взрослый, сложившийся человек, а по нашим меркам, совсем молодой. Имеем ли мы право на предположение? Если б не дуэль с Дантесом, чем бы он занимался дальше, в какую сторону двинулся?

Я.Г.: Вопреки известной истине, история знает сослагательное наклонение. Любая попытка анализа именно на нем и замешана. Пушкин явственно и мощно двигался в сторону философии истории. Но время, его историческое время кончилось.

М.Т.: ...начиналась вечность...

М.Т.: И на утешения Дала посылал дуэли с Дантесом он сказал: «...нет, я умру, да видно так и нужно».

Ошибка Гоголя

М.Т.: Знаменитая фраза Гоголя о «русском человеке чрез двести лет» в наши дни звучит как грустный парадокс. Само собой, Гоголь не мог предвидеть себе масштаба исторических катастроф XX века, зато природо-национального сознания описана и предугадана им на столетия вперед. Однако, предположим в нас, нынешних, черты «развития» того русского духа, которым он восхищался в Пушкине, Николай Васильевич ошибся трагически. Чем можно объяснить просчет гения?

Я.Г.: Пушкин, как известно, называл себя «человеком с пред-рассудками». Важнейшим из них было представление о чести. Надо иметь в виду, что произошло с

этим пушкинским «предрассудком» еще на его глазах... Что на излете декабристской эпохи случилось с понятием чести...

М.Т.: А знаете, многим сегодня это покажется банальным. Ну, честь... Что тут нового?

Я.Г.: Пожалуй, в начале девятнадцатого века действительно ничего особенно нового тут не было, а вот в конце двадцатого понятие чести вновь обретает оттенок острой новизны. А для Пушкина это был абсолютный регулятор поведения — личного, общественного, политического. С этим жестким эталоном он подходил ко всему. В своей записке о народном воспитании, которую Николай I потребовал от него в 1826 году, он отчетливо объяснял, что воспитывать следует человека общественного, а не просто образованного. И указывал в своих заметках о дворянстве, чему должно учиться в первую очередь — «...Независимости, храбрости, благородству, чести вообще».

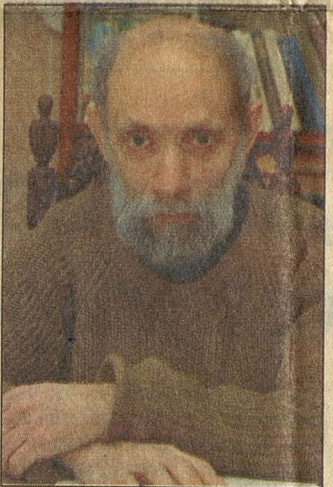
Пушкинская формула: «честь превыше всего» проста, но абсолютна, в нее входят и понятия о том, что должно и что не должно, и способ защиты — дуэль.

М.Т.: Именно об этом ваша книга «Дуэли и дуэлянт»?

Я.Г.: Да. Выходя на дуэль, человек чести защищал не столько собственное самолюбие, сколько достоинство определенных представлений. Независимости, например. В том числе и духовной независимости от власти. В «Медном всаднике» Пушкин недаром ставит рядом «независимость» и «честь».

М.Т.: Но ведь для людей пушкинского окружения защита чести была правилом, инстинктом, чем-то само собой разумеющимся?

Я.Г.: Вовсе нет. Уваров, например, — один из главных пушкинских оппонентов, министр

Михаил Гордин

просвещения в кабинете Николая I, придерживался совершенно противоположной точки зрения. Тот, о ком Пушкин написал с убийственной иронией «Теперь мне честность — трин-трава! Жену обчитывать не буду и воровать уже забуду казенные дрова!» — вовсе не был дураком, а, напротив, человеком вполне незаурядным и считал, что главная добродетель — умение подчиняться.

М.Т.: Пушкин исходил из интересов России...

Я.Г.: А Уваров — из интересов власти. Их противостояние было не случаем частных разногласий, а куда шире — слагаемым мировой битвы чести и бесчестия. Низиости и высоты жизненных правил. Победил, как известно, Уваров.

М.Т.: Из общества было изъято понятие чести — это сформировало последующую, с позволения сказать, ментальность, предопределило ошибку Гоголя?

Я.Г.: В конечном итоге, да. Где главенствует подчинение, нет места человеческому достоинству. России нужно «подморозить», считал Уваров, она молода, давать ей права и свободы еще рано. А пока пусть будет исполнительность и почитание вышестоящих. Оппозиция «честь — подчинение» стала основной, ведущей и в советское время. Победа «подчинения» привела к духовной дряхлости, и мы мучительно из этого состояния пытаемся выйти. Дорого нам обошлось стремление Уварова подготовить для будущего просвещенных рабов.

М.Т.: Да не таких уж и просве-

щенных, если подумать о позднейших временах... Итак, был сформирован некий тип людей. Его черты Пушкин предсказал безошибочно; сегодня поражают жгучей современностью его гениальные формулы («живая власть для черни ненавистна»... «бессмысленная чернь мгновенному внушению послушна» и пр.). Что, в сущности, вмещает это пушкинское слово — «чернь»?

М.Т.: Низость нравственных представлений. Так называемую «подлость» понятий. Пушкин отлично знал толпу. Знал и мужицкую среду. И притом, в отличие от Гоголя, Толстого, Достоевского, не был утопистом. Никакого обожествления или идеализации народной стихии у него не было. Он мог ходить в красной рубашке на ярмарку, записывать народные песни и толковать с мужиками, но считал, что предоставлять право на управление страной низшим классам не следует: «чернь» к этому не готова.

М.Т.: Между тем и в советское время, и в нынешнюю эпоху чернь обжила все этажи власти и отличию себя там чувствует. Не здесь ли одно из самых узких мест нашей государственности?

Я.Г.: Возможно. Тот слой образованных, европейских мыслящих людей, на которых так уповал в свое время Пушкин, для нашего общества оказался психологически неприемлем. Людей интеллектуального, рафинированного типа из власти беспощадно вымывает. И это происходит под мощным воздействием общественного мнения, прессы, давления снизу...

М.Т.: А между тем сколько-нибудь нормально сегодня может функционировать только общество, имеющее свою умственную аристократию, которая в

Яков Гордин

значительной степени определяет и выбор представителей власти, и формирование общественного мнения. Пушкин это понял уже в конце 20-х годов, почти два века назад.

Я.Г.: Для него важнейшая триада, способная воспитать человека, противостоящего деспотизму: чувства чести, долга и реальности. Уваровская же триада: «Православие, Самодержавие, Народность» была ему глубоко чужда.

М.Т.: У нас же нынче ее охотно извлекают из пыли — вновь нужен не «человек мыслящий», а человек исполнительный. Помните мнение историка Соловьева? Он говорит, что Уваров, автор печально известной формулы, не читал ни одной русской книги и был атеистом. Однако имел психологию слуги — потому убеждениями и личным достоинством легко поступался...

Я.Г.: А для Пушкина идеальный человек — тот, чьи душевные качества не позволяют ему принимать рабство в любых его видах.

М.Т.: Когда Краевский опубликовал некролог, в котором говорил: «Пушкин скончался... в середине своего великого подвига», по поручению Уварова ему сделали строгий выговор: «Писать стишки — не значит еще проходить великое поприще»...

Путь к свободе через смутные времена

М.Т.: Пушкинский вопрос «К чему стадам дары свободы?» для России все равно что гам-

Д.А. Шамиров. Иллюстрация к «Капитанской дочке»

летовское «Быть или не быть?»... Кто мы все ж таки — чернь или люди, стремящиеся к свободе?... Последние десять лет мы провели в поисках ответа на этот вопрос, но, получается, так его и не нашли?

М.Т.: Отчего ж? Весь ход нашей истории свидетельствует: без «даров свободы» ничего доброго не выходит. Уж и так пробовали, и сак. В пушкинскую эпоху для русского дворянина существовало два пути к личной независимости. Их воплощали образцы поведения двух антиподов, двух современников — Крылова и Карамзина. Для Крылова путь к свободе — это уход в шутовство, разрушительную тотальную иронию. Такая маска давала возможность, ни к чему не относясь всерьез, ничему же и не подчиняться. Говорить и писать в баснях жуткие дерзости и в адрес вельмож, и государя. Высокая политическая дерзость соединялась с агрессией. А Карамзин целиком погружался в частное существование, и его ценности: «Россия, торжественная, скажу я, без меня!»

И даже свою «Историю государства Российского» он тоже, что часто забывают, написал с позиций частного человека, это была часть его личной истории, роман. Он настаивал: жизнь отдельного человека есть абсолютная ценность. И она важнее всего. В том числе — всего исторического процесса.

М.Т.: Какая позиция была Пушкину ближе?

М.Т.: Он соединял эти два стиля, два опыта. Был первым — и единственным — человеком, гармонизировавшим русское мировоззрение. Личная свобода для него и многих современников была воздухом, без которого они себя не мыслили.

Я.Г.: Однако он прекрасно понимал, что проблема внешней и внутренней свободы напрямую не связана. Последняя актуальна лишь для определенного типа людей...

М.Т.: Не забудем: именно Пушкин, думая о том, как оставаться свободным человеком в условиях сначала аракчеевского, а потом казачьего режима, написал «жить без политической свободы очень можно...»

М.Т.: Но ведь дальше он говорит: «...без семейственной нелизи!» Перлюстрация переписки и негласное поощрение доносительства, которыми он так возмущался, были частью именно политической несвободы, так ведь?

М.Т.: Само собой. Недаром мы все время оглядываемся на него, как на человека, существовавшего в условиях, сходных с теми, в которых существуем и мы... В то время еще памяты были царевни и переворот 1801 года, совершившиеся — впервые в русской истории — из-за тех черт в монархии, которые дворянство не устраивали. Во все царствование Александра I велись разговоры о необходимости реформ...

М.Т.: Не находите ли вы странную эту особенность русской истории: реформы в ней многократно назревали, необходи-

мость. Это естественная странность. Как ни парадоксально, но в некотором отношении с александровского времени мы и в самом деле почти не продвинулись. Уже тогда всем, включая императора, было ясно: без участия сограждан в делах страны ничего равного Европе быть не может. В самом начале александровской эпохи в негласном комитете, куда входили молодые друзья царя Строганов, Новосильцев, Кочубей, Чарторыйский, без конца говорили о «правах человека», о необходимости радикальных преобразований.

Все осталось лишь на словах. И то, о чем с болью писал Пушкин в письме к Чаадаеву в 1836 году («...отсутствие общественно-го мнения... равнодушие ко все-му, что является долгом, справедливостью и истиной... личное презрение к человеческой мысли и достоинству») — на новых крутых историях роковым образом к нам все время возвращается, остается неразрешенным.

М.Т.: Выходит, состояние смутного времени для России — привычное и родное?

Я.Г.: Да в обзорном прошлом у нас вообще не было ни одного относительно благополучного периода! Начиная с XVIII века в России — всегда кризисная ситуация. Когда Пушкин учится в Липец, страна находится на грани банкротства, ее сотрясает столь близкая нам стихия — инфляция. Огромная армия поглощает весь доход государства.

М.Т.: Брожение умов. Разорение сословий...

Я.Г.: Первым русским монетаристом был Сперанский — он предложил сжечь денежную массу, оздоровить финансы. Ему резко возражал Карамзин: нужно развивать производство, и тогда только все будет в порядке. Знакомые споры, не так ли?

М.Т.: Значит, Пушкин, как и мы, был человеком смутного времени?

М.Т.: Пожалуй. А смуту во все времена породил вечный антагонизм общества и власти, отпадение человека от государства. То самое отсутствие «общественного мнения» — как мощной силы, которую Пушкин считал важнейшей. И до сих пор у нас, как и прежде, всю ответственность берет на себя один человек в стране, а большинство уверено, что брать на себя ответственность — дело бесполезное и бессмысленное.

М.Т.: Но если в моменты кризиса перед обществом всякий раз возникает вопрос, так ли уж самоочная свобода, не означает ли это, что мы в основной своей массе по-прежнему рабы?

Я.Г.: Если раб — это человек, испытывающий страх перед ответственностью, то в нас действительно осталось много рабства.

М.Т.: Сделать Россию удобным для жизни государством мы так и не сумели. Когда общество бесцельно, когда оно не жаждет вырваться из «египетского плена» и идти к свободе даже через пустыню, до тех пор в пророках нет нужды. И пока мы не позреем до самостоятельности, пока не почувствуем себя силой — Пушкин все-раз не потребуется.

М.Т.: Так что ж, мы близки к «идеалу» Никанора Ивановича

Босого из «Мастера и Маргариты», который «совершенно не знал произведений поэта Пушкина, но зато самого его знал прекрасно»?

М.Т.: Каково общество — так и читатель. Искание, упрощение, вульгаризация Пушкина — часть общественного сознания. Но тем не менее у нас нет иного выхода, как двигаться по пушкинскому пути.

Россия с ее свойством развиваться скачками сейчас снова находится в исходе «петровского периода» своей истории, когда «новый феодализм» изжит; все, что можно было из него выжать — позитивного, и отрицательного, — уже выжато. И к тому же у нас больше нету рокового антагонизма, который в прошлом так беспокоил лучших людей России.

М.Т.: В чем, по-вашему, природа этого антагонизма?

М.Т.: Самое трагичное — разность языков, культурное противостояние. Пушкин недаром про себя писал: «Я заменяю министра просвещения». До него верх говорили по академическому словарю, низы — по словарю Даля. Пушкин создал единый язык, на котором могут общаться все. Сближение двух культур, дворянской и народной, происходило мучительно, в советское время была сделана попытка синтезировать третью, искусственную культуру. То, что сегодня она рухнула и противоречие уничтожено, — историческое благо, доставшееся нам тяжелейшей ценой. Без этого блага движение к цивилизации невозможно. В муках нам открывается перспектива — та самая, которую определяет высшая логика, или, по слову Пушкина, «сила вещей».

Постскриптум

М.Т.: Ныне, когда подернулось — в который уже раз! — сумеречной дымкой наше мироощущение, когда мы вновь, хоть на ином витке истории, «живем, под собою не чужа страны», стоит ли помнить величайший акт пушкинского творческого воли — его отношения с жизнью. Высокое легкомыслие, веселое мужество, умение ощущать как непреложные ценности и мысль, и страдание...

Я.Г.: Тем более что мы вновь существуем в «постгугачевскую» эпоху, а катастрофы, предсказанные Пушкиным, уже произошли и от катастрофичности все устало. Александр Сергеевич, между тем, считал, что унывать, ныть стыдно мужчине. Надо жить и переносить, считал он, жизненные тяготы с достоинством.

М.Т.: «Он с высоты взирал на жизнь» — это его личная точка обзора, позволяющая подняться над страданиями бытия и трагизмом человеческой участи вообще. Когда Даль уговаривал его, умирающего, стонать от боли, не стесняясь, он ответил: «...не хочу, чтобы такая малость одолела меня».

Он хотел оставаться человеком в самой совершенной его по-стаси, которую он сам сумел отразить и явить. Оставаться Пушкиным.

Беседовала Марина ТОКАРЕВА